

■ Он сказал: "Поехали!"

108 минут в космосе

Мы продолжаем серию материалов, посвященных первому полету человека в космос.

Юрий Алексеевич Гагарин родился 9 марта 1934 года в обычной семье рабочих. Большую часть детства он провел в городке Гжатске (теперь этот город в Смоленской области называется Гагарин). Пережил, будучи маленьким мальчиком, фашистскую оккупацию.

Из воспоминаний Юрия Гагарина (страницы книги «Космонавты рассказывают»).

«Детство мое прошло в деревне Клушино Смоленской области, затем – в небольшом городке Гжатске. Отец и мать, так же, как и деды, и бабки, – крестьяне. Я помню, как в деревне говорили: «Золотые руки у Алексея Гагарина!».

И в самом деле, у отца спорилась любая работа: и столяр, и каменщика, и пахаря, и слесаря. К этому он приучал и нас, трех братьев и сестру. Мама удивительно много читала. Она могла ответить почти на любой мой вопрос. Мне она казалась неисчерпаемым источником жизненной мудрости.

Я не гнался за хорошими отметками в дневнике, а просто хотел знать как можно больше, научиться всему как можно быстрее. Но я оговорился: «в дневнике». На самом деле, в клушинской школе, порог которой я переступил 1 сентября 1941 года, дневников не было и в помине. Шла война. Даже тетради были редкостью. Часто приходилось писать на полях газеты, на кусках обоев... Как-то, возвращаясь с ребятами из школы, мы увидели невысоко в небе два советских самолета.

Маленький истребитель заваливался то на одно крыло, то на другое и все ниже и ниже клонился к земле. Другой большими кругами летал над ним, как одна птица над другой, подбитой. Летчику удалось посадить машину на торфяном болоте, за околлицей. При посадке самолет переломился, но пилот успел выпрыгнуть из кабины.

Второй летчик не бросил друга в беде. Они переночевали в Клушине, а утром оба улетели на исправной машине. «Сам погибай – товарища выручай» – эту пословицу мне пришлось не раз слышать позже, от бывших фронтовиков, от инструкторов в аэроклубе, от командиров в авиационных частях, в которых я служил. Но я уже давно знал, что означает эта пословица: случай с двумя летчиками, их дружбу и мужество я никогда не забуду.

...Когда мне исполнилось 15 лет, я решил оставить учебу в средней школе и овладеть каким-нибудь ремеслом, чтобы быстрее начать помогать родителям. Мой дядя посоветовал мне пойти в ремесленное училище при заводе сельскохозяйственных машин в Люберцах. Здесь определилась моя будущая профессия: формовщик литейного цеха. Труднее стало, когда я поступил в вечернюю школу рабочей молодежи. Приходилось жалеть, что в сутках только двадцать четыре часа. Дирекция ремесленного училища помогла мне и несколь-



● Выпуск газеты Безенчукского района от 16 апреля 1961 года.

ким моим друзьям поступить в индустриальный техникум в Саратове на Волге. Именно с Саратовым связано появление у меня болезни, которой нет названия в медицине, – неудержимой тяги в небо, тяги к полетам.

В техникуме появилось пристрастие к физике. В физическом кружке я подготовил два доклада. Первый – о работе русского ученого Лебедева о световом давлении. Тема второго выступления называлась «К.Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях». Чтобы подготовиться к докладу, пришлось прочитать и сборник научно-фантастических произведений Циолковского, и много других книг. ...Лет с двенадцати я, как и все ребята, зачитывался произведениями Джека Лондона, Жюль Верна, Александра Беляева. Циолковский был совсем иным писателем. Он писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных, – и они уже летали в небе над Саратовым. Он писал о ракетах – и они уже поднимались ввысь над советской землей. Правда, пока еще в стратосферу.

Именно с доклада о работах Циолковского и началась моя «космическая» биография.

В ЛИТЕЙЩИКЕ РОДИЛСЯ ЛЕТИК

Решил начать с аэроклуба. Помню день первого прыжка с парашютом. Выбрался за бортик кабины, глянул на землю. Никогда еще не приходилось бывать на такой высоте...

Приземлился удачно. И потом все показало простым, захотелось еще и еще спускаться под белым куполом.

После диплома уже просто не мог отступить, бросить воздушную стихию. В 1955-м подал заявление в Оренбургское авиационное училище. Годы учебы в Оренбурге совпали с первыми советскими успехами в завоевании космоса. Особенно поразило нас сообщение о запуске второго искусственного спутника с собакой на борту. «Раз живое существо уже поднялось в космос, – подумал я, – почему бы не полететь туда человеку?».

А время шло. Я надел форму лейтенанта авиации и женился на Вале. Из приуральских степей путь наш лежал на Север, в край длинных полярных ночей. Там – служба, там – практика. Я много летал, а еще больше – учился. Так шла, бежала, летела вперед жизнь. Третья космическая ракета сфотографировала невидимую сторону Луны. «Какая изумительная точность!» – отметил я мысленно. – Значит, уже совсем скоро...».

Через несколько дней я подал рапорт с просьбой зачислить меня в группу подготовки космонавтов... Какова же была радость, когда пришел вызов из Москвы! Пройдена первая тщательная медицинская комиссия, после которой пришлось вернуться на Север. Окончательный ответ не приходил долго. И в канун двадцатипятилетия пришел редчайший из подарков: вызов в Москву. Я понял, что это значило.

Мы поселились под Москвой, в месте, которое сейчас принято называть «Звездный городок». К полетам нас готовили специалисты самых различных областей знаний. Мы изучали основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, геофизику, астрономию, медицину. Кроме теории, много времени уходило на физическую подготовку. Гимнастику сменяли игры с мячом, прыжки в воду с трамплина, велосипед. Регулярно, в любую погоду, под наблюдением врачей. А вскоре подошло время специальных тренировок – испытаний в сурдокамере, где царит абсолютная тишина, на стремительной центрифуге, в термокамере с обжигающим воздухом, в самолетах, где специально создается состояние невесомости.

Готовился и космический корабль. Его я впервые увидел летом 1960 года, за девять месяцев до старта. Будущий «Восток» всем сразу же понравился.

108 МИНУТ

Долгожданное решение государственной комиссии было объявлено только на космодроме: я назначался командиром «Восток-1», Герман Титов – моим дублером.

До 11 апреля мы с Германом

изучали график полета, отрабатывали все элементы задания. Привыкали мы и к «космической кухне» – сокам и паштетам, которые предстояло есть из особых туб. День перед полетом был отведен для полного отдыха. О полете не разговаривали. Вспоминали детство, прочитанные книги, увиденные фильмы. Спать легли в девять вечера. Помнится, снов я не видел. В половине шестого утра разбудил врач. Встал и Герман, напевая, как обычно, шутивную песенку. Последняя проверка. Все – в норме.

Мне помогли надеть скафандр. Потом мы с Германом сели в специальный автобус, в котором начинается уже космическая жизнь. Скафандр подключается к приборам, подающим воздух.

У подножия ракеты попрощался с провожающими и на лифте поднялся к вершине ракеты. Завязание, которое я сделал за несколько минут перед этим, широко известно. Оно отражало мое душевное состояние перед полетом, мои чувства и мысли: «Счастливи ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях. Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, «до свидания», как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!».

И вот я остался один, среди многочисленных приборов, освещенных искусственным светом. Лишь радио связывало меня с окружающим миром. Конечно, я волновался – только робот не волновался бы в такие минуты и в такой обстановке. Но вместе с тем был уверен в совершенстве ракеты, скафандра, приборов, связи с Землей, качества пищи. Очевидно, и во мне были

уверены. Все это, вместе взятое, и называлось «готовностью к космическому полету».

Двигатели ракеты были включены в 9 часов 07 минут. Сразу же начали расти перегрузки. Я буквально был вдавлен в кресло. Как только «Восток» пробил плотные слои атмосферы, увидел Землю. Корабль пролетал над широкой сибирской рекой. Самым красивым зрелищем был горизонт – окрашенная всеми цветами радуги полоса, отделяющая Землю в свете солнечных лучей от черного неба. Невесомость, к которой я быстро привык, сыграла со мной злую шутку. После одной из записей в бортовой журнал я отпустил карандаш, и он свободно поплыл по кабине вместе с планшетом. Дальнейшие свои наблюдения пришлось передавать по радио и записывать на магнитофон.

В 10 часов 25 минут автоматически было включено тормозное устройство. Корабль вошел в плотные слои атмосферы. Сквозь шторы, прикрывавшие иллюминаторы, я видел багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки вновь прижали меня к креслу. Они увеличивались и были сильнее, чем при взлете.

В 10 часов 55 минут, через 108 минут после старта, «Восток» благополучно опустился на поле колхоза «Ленинский путь» у деревни Смеловки.

В ярко-оранжевом скафандре я, наверное, выглядел странно. Первые «земляне», женщина и девочка, боялись подойти ко мне поближе. Это были Анна Акимовна Тахтарова и ее внучка Рита. Потом с полевого стана подбежали механизаторы... За те неполных два часа, которые я провел в космосе, радио донесло во все концы Земли весть о запуске. Моя фамилия уже была известна тем, кто меня встретил».

МНЕНИЕ ●

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ТЕРЕНТЬЕВ, ветеран Вооруженных Сил, подполковник:



– Весна 1961 года. В родительском доме по ул. Центральной идет ремонт отопительной системы. А я, первоклассник, кружусь рядом со взрослыми, наблюдаю за работой сварщика. И тут слышим: по радиоприемнику передают: «Внимание, внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем сообщение ТАСС. Сегодня в Советском Союзе, впервые в мире, произведен запуск космического корабля «Восток» с человеком на борту. Пилот корабля – гражданин СССР, летчик, майор Юрий Алексеевич Гагарин...».

Мы все замерли, ловим каждое слово. У меня внутри буквально колощет радость, восторг... Это же надо! Наш летчик в космосе! На следующий день в школе все разговоры были о полете нашего космонавта в космос. Выпустили стенгазету, посвященную первому человеку в космосе. Всем нам очень хотелось больше узнать об этом мужественном человеке, о Юрии Гагарине.

Сказать, что полет Гагарина повлиял на выбор моей профессии... Отчасти да. Это величайшее событие оставило неизгладимое впечатление.

Я еще мальчишкой «заболел небом». Не мог оторвать взгляда от взлетающих истребителей МИГ-15, от ЯК-18, совершающих головокружительные фигуры пилотажа: мертвые петли, штопор, боевые развороты... Хотелось подойти поближе к взлетной полосе аэродрома, но охрана была начеку. Да и атмосфера в школе №2, где мне посчастливилось учиться, авторитет нашего учителя А.К. Шабопкина, выпускника училища им. Леваневского, способствовали тому, что многие мои ровесники поступали в летные училища. Только со мной в 1970 году 7 безенчукцев поступали в Сызранское ВВАУЛ. Поэтому можно твердо сказать, что Юрий Гагарин проложил не только дорогу в космос, но и всем нам – дорогу в авиацию.